

4.1. «Слово» и «дело» эпохи Екатерины II

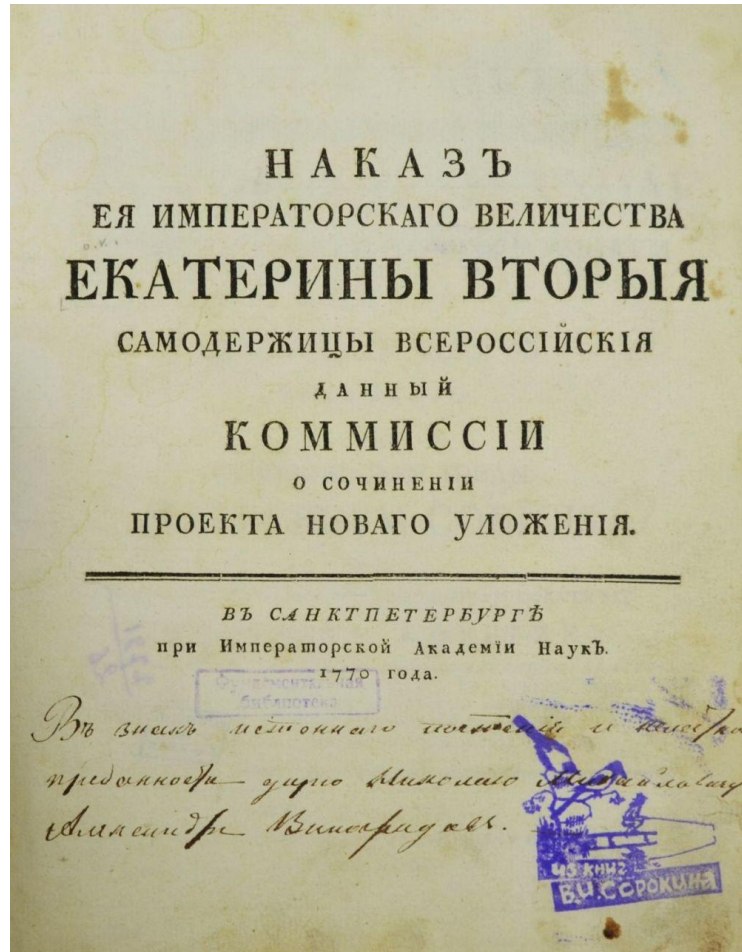
Поэтика и политика

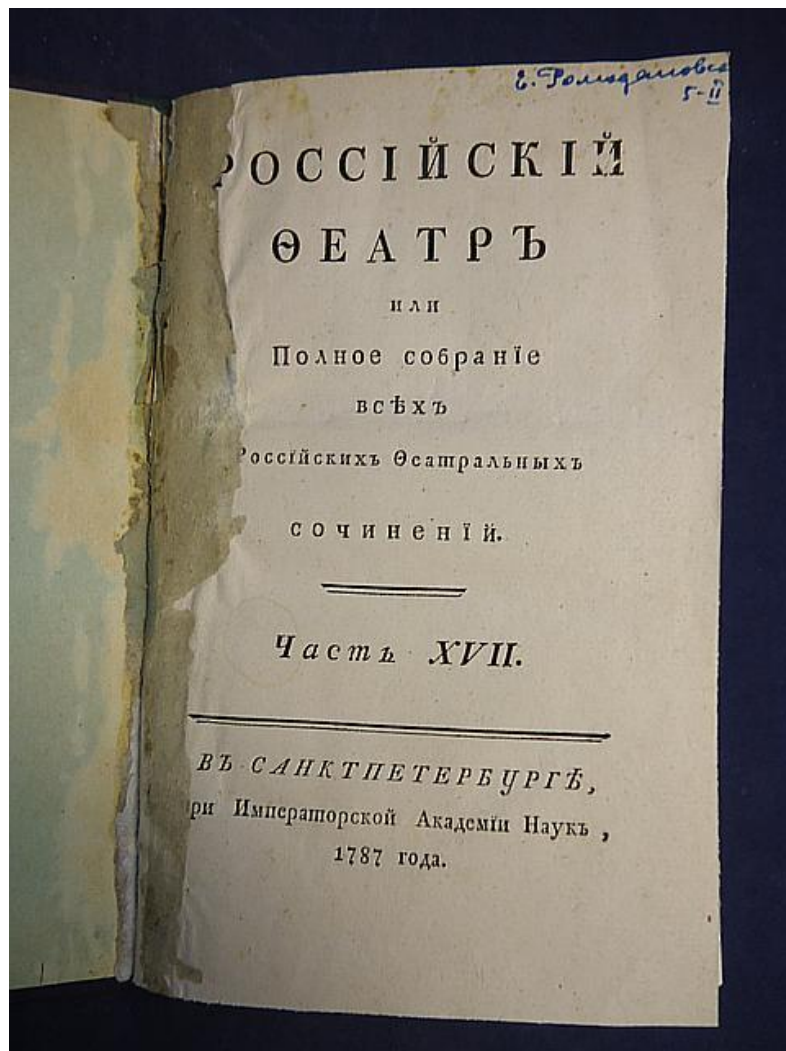

ПЕТРУ ПЕРВОМУ
ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ
ЛЭТА 1733.

Императрица - просветитель

Императрица - драматург

- Вот каково иметь корзину и белье
- Госпожа Вестникова с семьею
- Именины госпожи Ворчалкиной
- Недоразумение
- Обманщик
- Обольщенный
- О время!
- Передняя знатнаго боярина
- Расстроенная семья острожками и подозрениями
- Шаман Сибирский

- Опера:
 - Горобогатырь Косометович
 - Новгородский богатырь Боеславич
 - Февей

- Пьеса:
 - Из жизни Рюрика
 - Начальное управление Олега

Императрица - журналист

В С Я К А Я
В С Я Ч И Н А.

Симъ листомъ бью челомъ; а слѣдую-
щія впредь изволь покупать.

Зеркальное отражение культуры Петра I

- Ориентир: галантная Франция, рациональная Англия (формы поведения)
- Обращение к «низким жанрам»: комедия, сатира (*массовая культура*).
- Разрушение теории трех штилей.
- Эволюция прозы.

Количественные данные

- Драма: 58 %
- Лирика: 30 %
- Эпос: 12 %

Что «не так» с прозой?

- История + авантюрный + плутовской роман + похождения;
- Низкий жанр (память о XVII веке, roman);
- Романы на русском языке НЕ ДЛЯ ДВОРЯН

«Несчастный Никанор, или Приключение жизни русского дворянина»

- Никанор, лишившись своего благополучия, жил года с четыре в отдаленном от столицы городе, в доме некоторого добродетельного человека, который содержал его из одного только человеколюбия. Искание ж Никанорово во всех того города жителях и дворянах составило ему в том месте весьма спокойную жизнь, так что нередко он выговаривал: "Теперь-то я нахожу себя благополучным, когда далече от благополучия моего я сам отдалился; теперь считаю я себя богатым, когда всего моего имения я без остатку лишился; теперь я признаю себя счастливым, когда все мои злоключения и печали удары свои на мне уже совершили; теперь могу назвать остатки дней моих, препровождаемые в здешнем городе, златым я веком, когда ни о чем уж больше попечения не имею; теперь ничто меня не беспокоит и ничто не трогает".

«Несчастный Никанор, или Приключение жизни русского дворянина»

- Композиция: «Вечера», рассказчик о злоключениях («Житие Алексея – человека божьего»);
- Любовная коллизия;
- Внезапные происшествия: война, пожар;
- Анонимный текст * см. «Похождения прапорщика Климова».

Михаил Дмитриевич Чулков

- Фольклорист;
- Журналист;
- Писатель

«Пригожая повариха, или Похождения развратной ЖЕНЩИНЫ»

- Его Высокопревосходительству действительному камергеру и разных орденов кавалеру Премного милосердому моему государю[*] [*]
- Здесь имени его не будет по причине той, чтоб не ошибиться. Книги приписываются людям, смотря по содержанию их и по сложению тех людей, кому они приносятся. Я же видал весьма много таких книг, которые приносились знатым господам, но вместо того чтобы добродетели их увеличить, послужили они им сатирою. Так как бы кто, желая похвалить своего мецената, но не зная в похвалах толку и умеренности, весьма нелепо его выругал. И так, опасаясь сего и сверх того не зная доброты сочиненной мною книги, никому именно ее не приписываю. Титул же высокопревосходительства украшает человека, того ради и я поставил его для украшения моей книги, однако не высокопревосходительством желая ее украсить, но теми только буквами, из которых слово сие набрано и напечатано; а следующее письмо приношу всякому высокопревосходительному и высокодобродетельному господину генералу, камергеру и кавалеру, которого изрядные качества, снисхождения и милости выхвалять от

«Пригожая повариха, или Похождения развратной женщины»

- Ваше Высокопревосходительство Милостивый Государь! Все, что ни есть на свете, составлено из тлена, следовательно, и приписуемая вам сия мною книга сделана из тлена. **Все на свете коловратно**; и так книга сия теперь есть, несколько времени побудет, наконец истлеет, пропадет и выдет у всех из памяти. Человек рождается на свет обозрети славу, честь и богатство, вкусить радость и утеху, пройти беды, печали и грусти; подобно и книга сия произошла на свет с тем, чтобы снести ей некоторую тень похвалы, переговоры, критику, негодование и поношение. Все сие с нею сбудется, и наконец превратится в прах, как и тот человек, который ее хвалил или порочил. Под видом и под названием книги желание мое препоручить самого себя под покровительство вашего высокопревосходительства: желание общее всех людей, которые не имеют у себя царских портретов. Производятся люди достойные, следовательно, разум, добродетели и снисхождения ваши возвели вас на сию высокую степень. Вам сродно оказывать милости неимущим, а я удобен заслуживать оные со всяким усердием. Кто же вы таков, о том узнает общество тогда, когда будет иметь счастье пользоваться вашими благодеяниями. Вашего высокопревосходительства милостивого государя нижайший слуга *Сочинитель сея книжки.*

«Пригожая повариха, или Похождения развратной женщины»

- Я думаю, что многие из наших сестер назовут меня нескромною; но как сей порок по большей части женщинам сроден, то, не желая против природы величаться скромною, пускаюся в него с охотою. Увидит свет, увидев, разберет; а разобрав и взвесея мои дела, пускай наименует меня, какою он изволит. Известно всем, что получили мы победу под Полтавою], на котором сражении убит несчастный муж мой. Он был не дворянин, не имел за собою деревень, следовательно, осталася я без всякого пропитания, носила на себе титул сержантской жены, однако была бедна. От роду мне было тогда девятнадцать лет, и для того бедность моя казалась мне еще несноснее; ибо не знала я обхождения людского, и не могла приискать себе места, и так сделалася вольною по причине той, что нас ни в какие должности не определяют. В самое это время наследила я сию пословицу: "Шей-де, вдова, широки рукава, было бы куда класть небыльня слова". Весь свет на меня опрокинулся и столько в новой моей жизни меня возненавидел, что я не знала, куда приклонить мне голову.

«Пригожая повариха, или Похождения развратной женщины»

- Я думаю, что многие из наших сестер назовут меня нескромною; но как сей порок по большей части женщинам сроден, то, не желая против природы величаться скромною, пускаюся в него с охотою. Увидит свет, увидев, разберет; а разобрав и взвесея мои дела, пускай наименует меня, какою он изволит. Известно всем, что получили мы победу под Полтавою], на котором сражении убит несчастный муж мой. Он был не дворянин, не имел за собою деревень, следовательно, осталася я без всякого пропитания, носила на себе титул сержантской жены, однако была бедна. От роду мне было тогда девятнадцать лет, и для того бедность моя казалась мне еще несноснее; ибо не знала я обхождения людского, и не могла приискать себе места, и так сделалася вольною по причине той, что нас ни в какие должности не определяют. В самое это время наследила я сию пословицу: "Шей-де, вдова, широки рукава, было бы куда класть небыльня слова". Весь свет на меня опрокинулся и столько в новой моей жизни меня возненавидел, что я не знала, куда приклонить мне голову.

«Пригожая повариха, или Похождения развратной женщины»

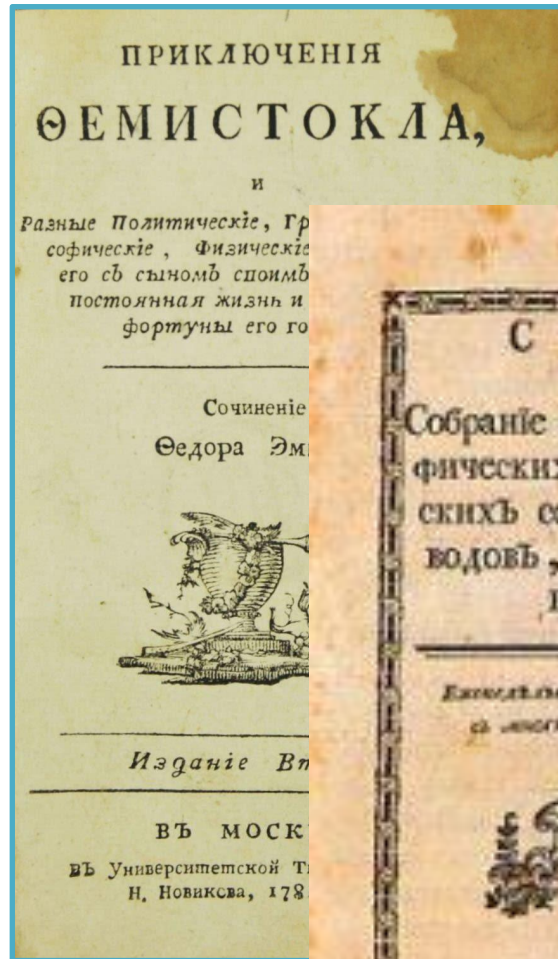
- Генезис: испанский и итальянский роман (пикареска);
- Имена-функции: Свидаль, Ахаль;
- Социальное положение и «карьера» вне социума (маргинальная позиция).

Ф.А. Эмин

По случаю попал он в руки одному иезуиту, который обучил его латинскому языку и другим употребительным в их школах наукам. Путешествуя с ним по разным европейским и азиатским государствам, прибыли наконец в Турецкую землю, где было с ним приключение, о котором он не объявлял. По сему-то приключению взят был под стражу и для избавления себя от вечных неволи принужден был принять магометанский закон. По принятии же закона, не имея иного пропитания, вступил он в турецкую службу и был несколько лет янычаром. В Турецкой земле ведя жизнь против своего желанія, искал он всегда способов уехать в Европу; и как по случаю познакомился он с одним капитаном аглинского корабля, то и просил его, чтобы он увез его. Капитан на сие согласился, и он с ним благополучно приехал в Лондон. В сем городе жил несколько времени под именем Магомета Эмина и, приняв благое намерение принять природную свою христианскую веру, явился к российскому в Лондоне министру в 1758 году, где по желанию его скончался в том же году.

Романистика Эмина

Пушкин об эпохе

- Екатерина любила просвещение, а Новиков, распространявший первые лучи его, перешел из рук Шешковского в темницу, где и находился до самой ее смерти. Радищев был сослан в Сибирь, Княжнин умер под розгами – и Фонвизин, которого она боялась не избегнул бы той же участи, если б не чрезвычайная его известность

Николай Иванович Новиков (1744—1818) –

- Один из крупнейших деятелей русского просвещения, русский журналист, издатель и общественный деятель.
- Один из первых в России политических заключенных.

«Общество, старающееся о напечатании книг» (1773)

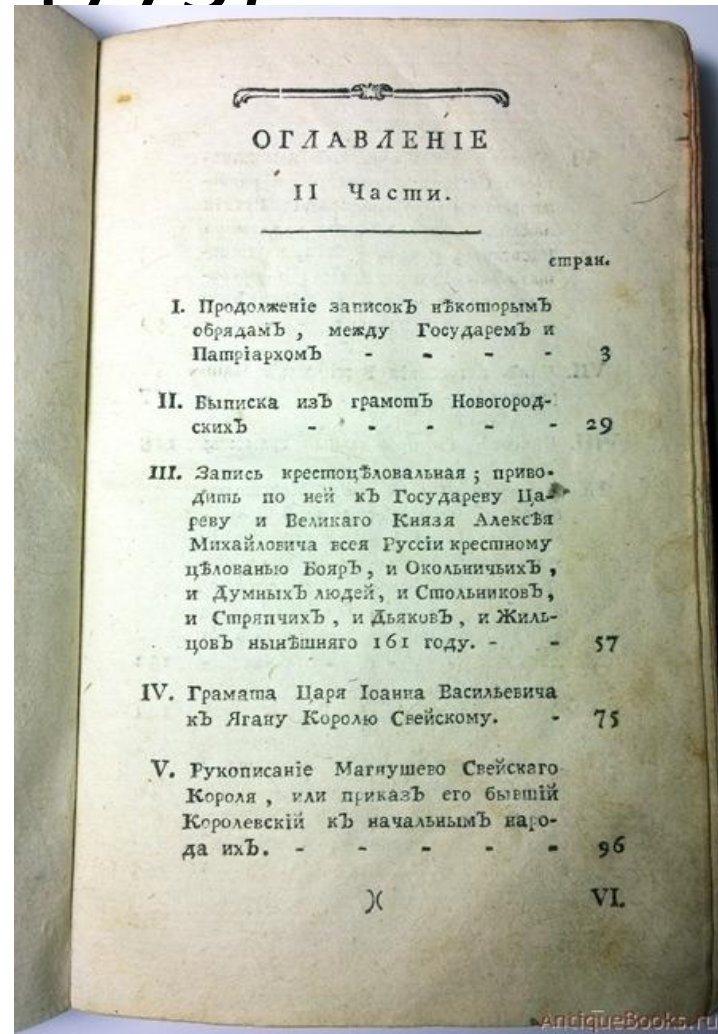
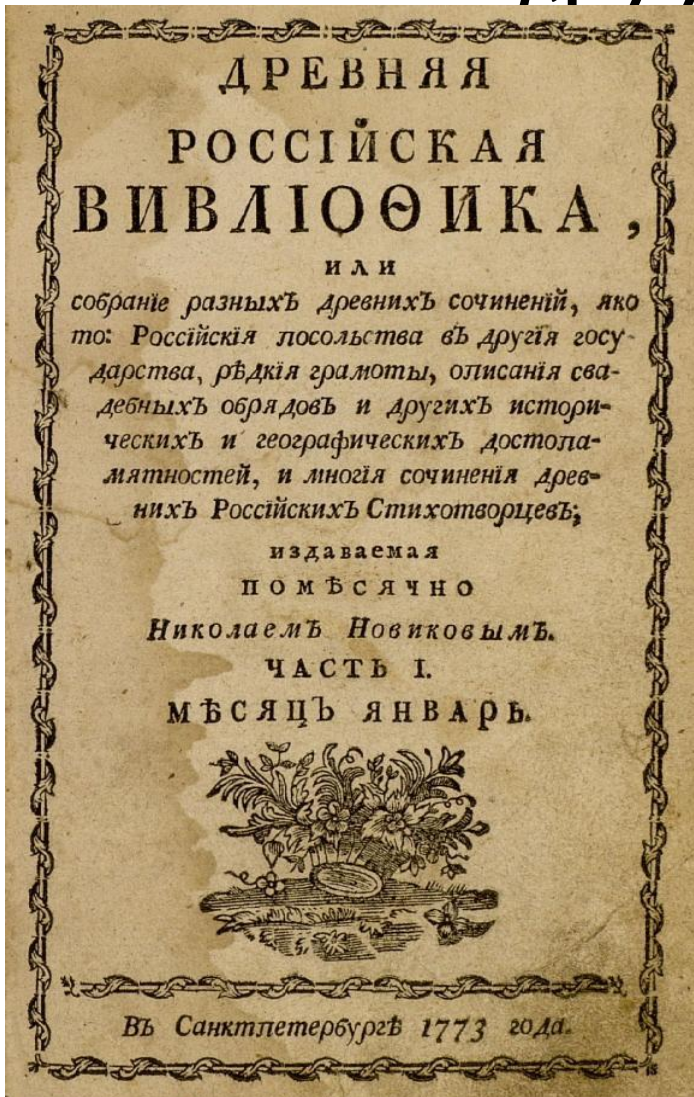

«Опыт исторического словаря о российских писателях»

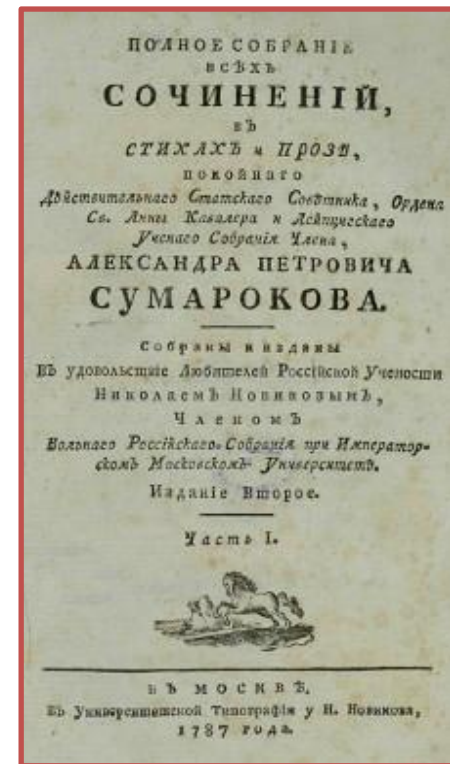
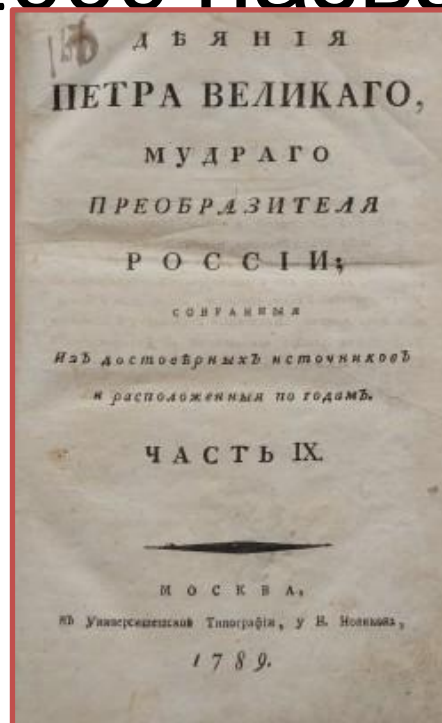
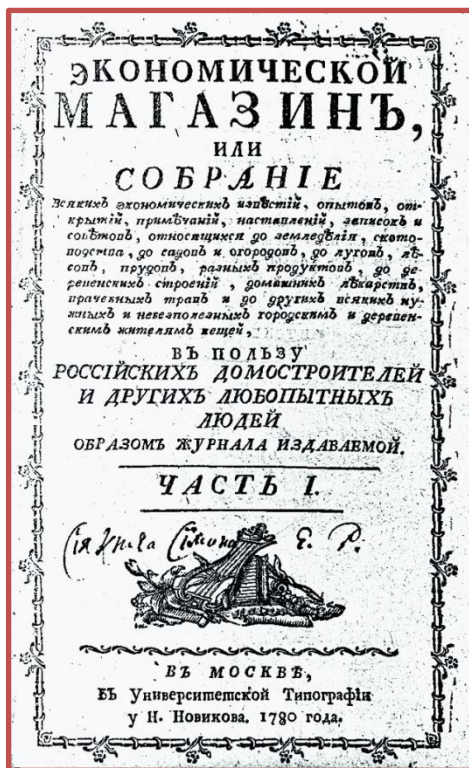
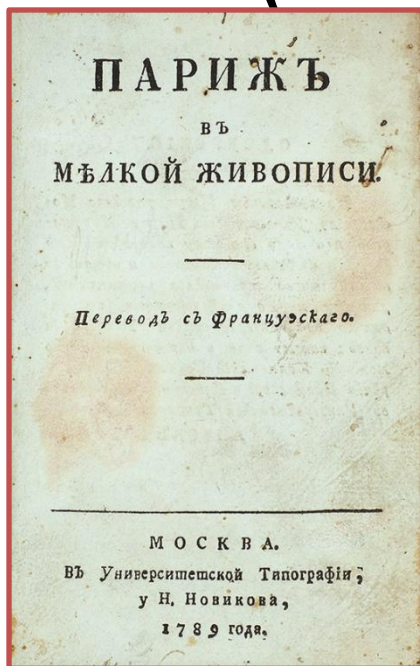

«Древняя российская вивлиофика»

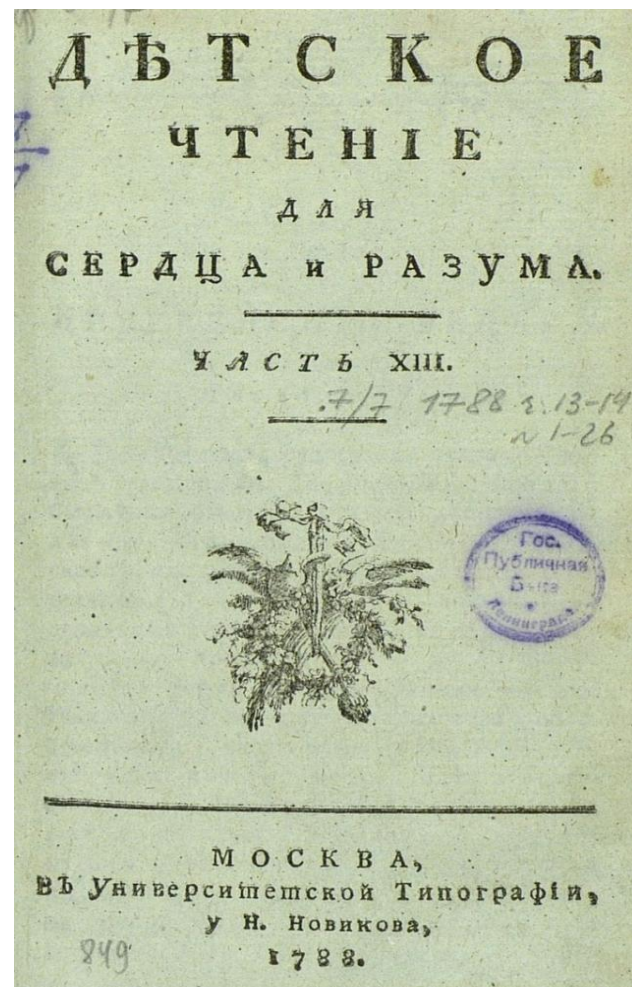
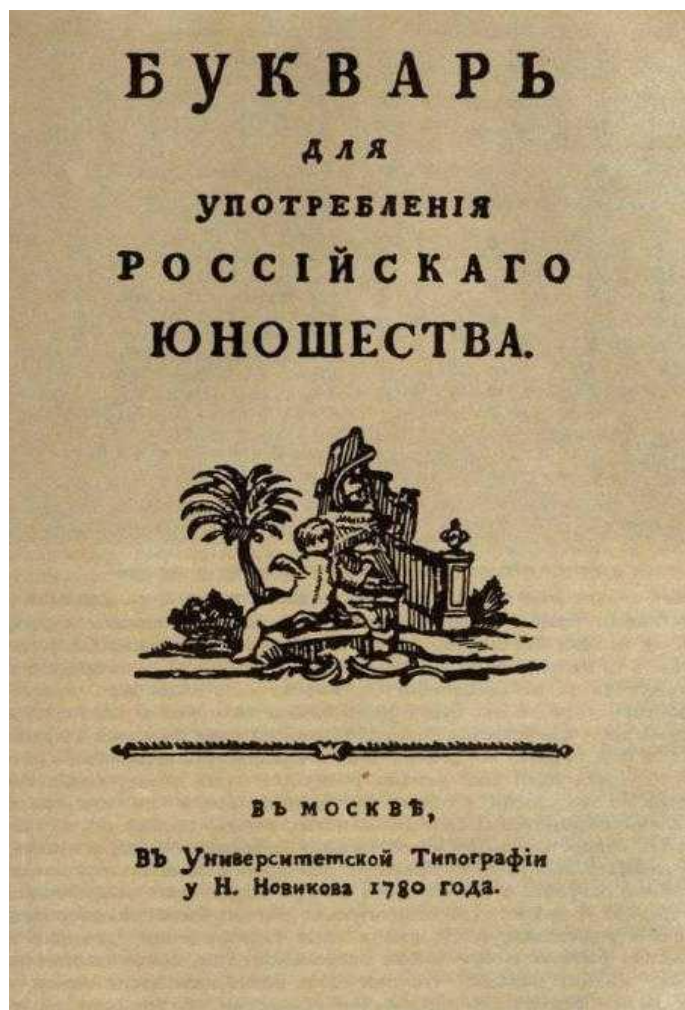
(1773 – 1775)

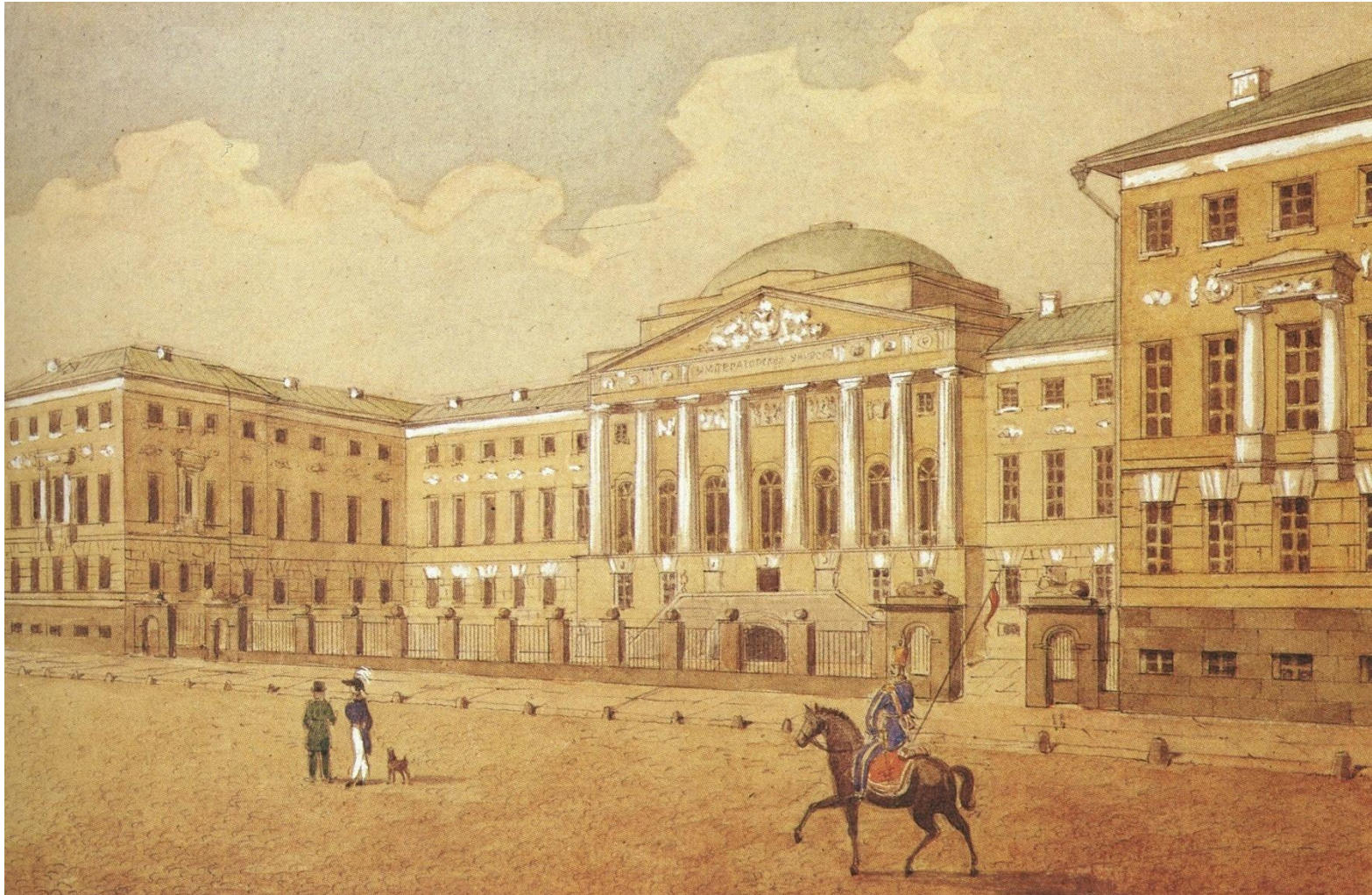
Издания новиковской типографии (всего более 1000 названий)

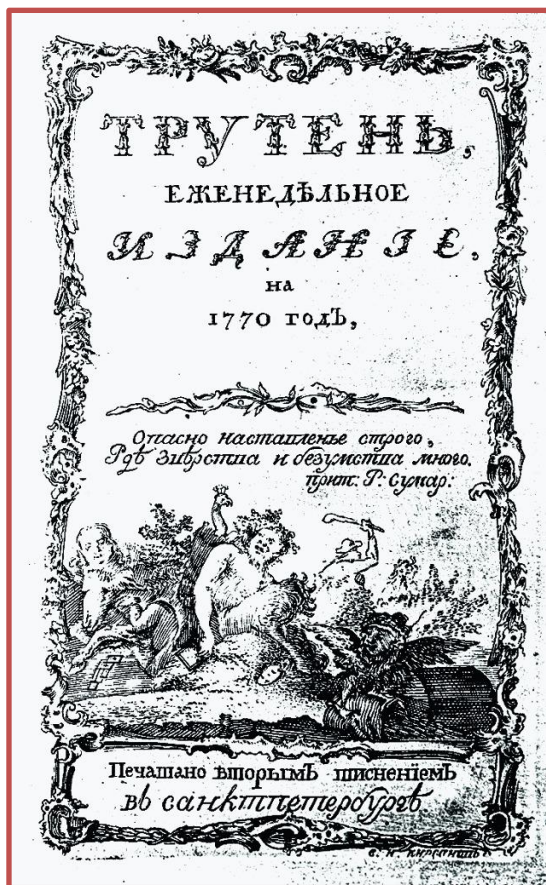
Правильное воспитание

Новиков: «Воспитание имеет три главные части: воспитание физическое; нравственное, имеющее предметом образование сердца; и разумное воспитание, занимающееся просвещением или образованием разума».

Сатирические журналы 1760 – 1770-х годов.

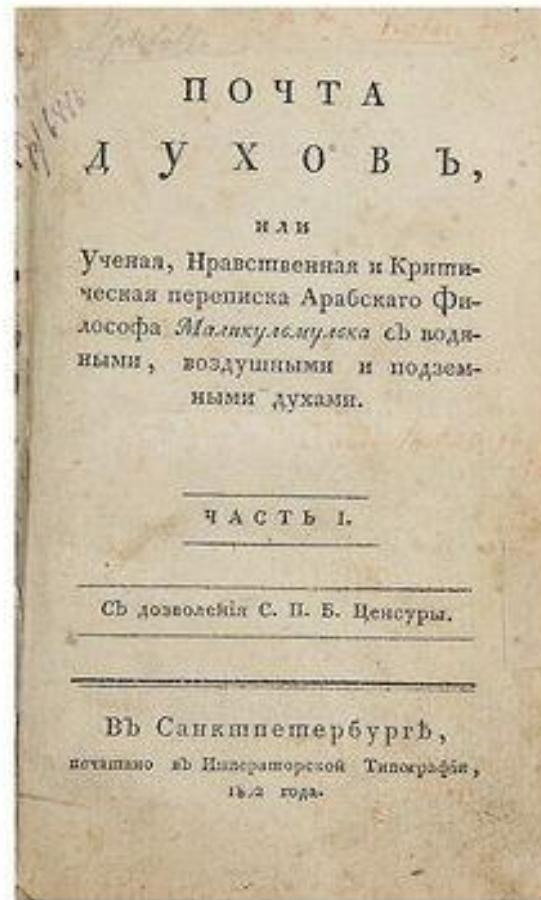
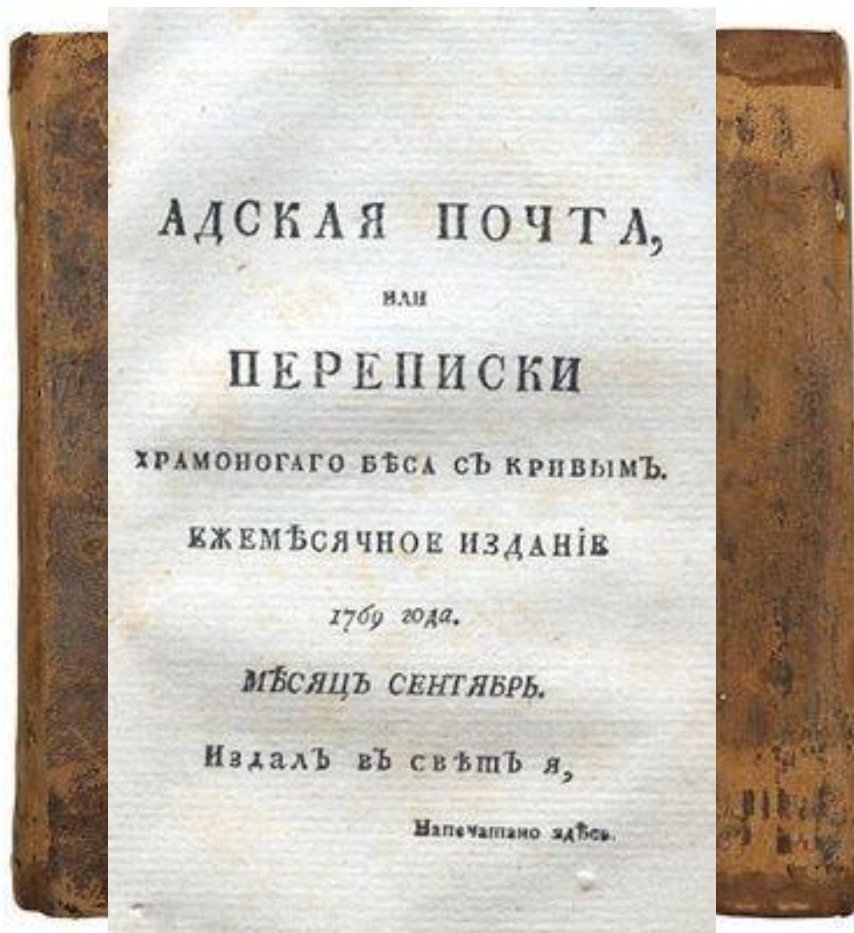

Отрывок путешествия в *** И***

Т***

Бедность и рабство повсюду встречались со мною в образе крестьян. Непаханные поля, худой урожай хлеба возвещали мне какое помещики тех мест о земледелии прилагали речение. Маленькие покрытые соломой хижины из тонкого заборника, дворы огороженные плетнями, небольшие *одоньи* хлеба, весьма малое число лошадей и рогатого окота подтверждали, сколь велики недостатки тех бедных тварей, которые богатство и величество целого Государства составлять должны.

Сатирическая журналистика: Эмин и Крылов

Каиб

Каиб был один из восточных государей; имя его наполняло вселенную.

"Слава твоя, -- говорил ему некто из его стихотворцев, -- слава твоя была бы подобна солнцу, если бы оно не заходило". Каибу нравились хорошие сравнения; и за это, пожаловав его в евнухи, сделал смотрителем над своею сералью. Богатства Каибовы были неисчерпаемы; дворец его, говорит историк, был обнесен тысячию яшмовых столбов, коих капители были изумрудные, коринфского ордена, а тумбы из чистого литого золота; дворец сей был сделан из черного мрамора, и стены его были столь гладко вылощены, что лучшие щеголихи смотрелись в них, как в зеркало. Окны были пропорции новейшей италиянской архитектуры, немного более того, как делаются городские ворота, и во всяком окне было только по одному стеклу, но которые были так тверды, что потачливейшие мужья нынешнего времени не в состоянии были бы прошибить их своим лбом. Крышка была из листового серебра, но столь чисто отработанного, что часто в ясные дни целый город сбегался ко дворцу, думая, что он горит, когда всю сию тревогу производило одно ее сияние. Заметь, любезный читатель, что все это говорит Каибов историк.

Первый предмет, встретившийся его глазам у него в комнате, была книга, данная ему волшебницей. Хотя Каиб никогда не советовался с книгами, потому что они по большей части писаны не калифами, но, вспомня, что этой книге приписано важное свойство — усыплять, взял он ее в руки, в надежде увидеть во сне добрую свою покровительницу. Калиф развернул — видит оду визирю, недавно повешенному им за взятки... Добродетели его были воспеты с таким восторгом, что калиф зачал уже опасаться, не святого ли он повесил. Это привлекло его к важному рассуждению: сколь должно великому калифу быть осторожну в награждениях и в наказаниях... «Фея, — ворчал он тихонько, — фея, конечно, ошибкою дала мне эту книгу: она обещала мне с нею приятный сон, а книга эта, напротив того, подает мне причину к важным рассуждениям, приличным моему сану и полезным моему народу...» Но калиф не примечал, что он уже дремал, выговаривая последние слова... и действительно, в одну минуту погрузился он в глубокий сон и позабыл награждения, наказания, повешенного визиря, стихотворца и свою книгу, которую из рук выпустил к себе на колени.

Едва заснул калиф, едва увесистое собрание тяжелых стихов, обременявших за минуту руки его, сползло с коленей на богатый ковер, как покровительствующая фея явилась ему во сне. Она была прелестна, как... как то, что тебе всего милее, любезный читатель... Скупой, ты можешь ее сравнить с твоим рублем; если ты автор, то вообрази, что она

4.2. Н.М. Карамзин и А.Н. Радищев: два путешествия

В КОНТЕКСТЕ СЕНТИМЕНТАЛИЗМА

Сентиментализм

- Ж.-Ж. Руссо: чувствительный герой (письмо=эмоция; чувство естественно);
- И.В.Ф. Гёте: предвосхищение романтизма (трагедия единичного существования);
- Л. Стерн: чувствительный путешественник (Йорик).
- РИ: значение переводов.

Жанры

- Эпистолярный роман, эпистолярная повесть;
- Чувствительная (полусправедливая) повесть;
- Путешествие;
- Прогулка;
- Элегия.

ПИСЬМА
РУССКАГО
ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

*Кто въ мирѣ и любви состоитъ истинно со своимъ,
Тотъ развѣтъ и истинно бо истинно истинно истинно.*

ЧАСТЬ IV.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографш,
у *Ур. Ридигера* и *Ур. Клаудья*
1797.

ПИСЬМА РУССКАГО
ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

Женева.

Вы можете быть удивляе-
шесь, друзья мои, что
я по сіе время ничего не го-
ворилъ вамъ о великомъ Вон-
нешѣ, копорой живешь вер-
спахъ въ четырехъ отъ Же-
невы, въ деревнѣ Жаншу.
Мнѣ сказали, что онъ весь-
ма не здоровъ, глухъ и слѣпъ,
и никогó кромѣ ближнихъ род-
ственниковъ не принимаетъ;
по чему я и не имѣлъ на-
дежды видѣшь сего славнаго
Часть IV. **А**

Куда едет путешественник Карамзина?

- Европа (русский европеец: Кант, Гёте, Руссо);
- Европа – свое пространство (НО: Франция).
- Московский журнал, Вестник Европы

Предисловие

Я хотел при новом издании многое переменить в сих "Письмах", и... не переменял почти ничего. Как они были писаны, как удостоились лестного благоволения публики, пусть так и остаются. Пестрота, неровность в слоге есть следствие различных предметов, которые действовали на душу молодого, неопытного русского путешественника: он сказывал друзьям своим, что ему приключалось, что он видел, слышал, чувствовал, думал, - и описывал свои впечатления не на досуге, не в тишине кабинета, а где и как случалось, дорогою, на лоскутках, карандашом. Много неважного, мелочи -- соглашаюсь; но если в Ричардсоновых, Фильдинговых романах без скуки читаем мы, например, что Грандисон всякий день пил два раза чай с любезною мисс Бирон; что Том Джонес спал ровно семь часов в таком-то сельском трактире, то для чего же и путешественнику не простить некоторых бездельных подробностей? Человек в дорожном платье, с посохом в руке, с котомкою за плечами не обязан говорить с осторожною разборчивостью какого-нибудь придворного, окруженного такими же придворными, или профессора в шпанском парике, сидящего на больших, ученых креслах.

Расстался я с вами, милые, расстался! Сердце мое привязано к вам всеми нежнейшими своими чувствами, а я беспрестанно от вас удаляюсь и буду удаляться! О сердце, сердце! Кто знает: чего ты хочешь? -- Сколько лет путешествие было приятнейшею мечтою моего воображения? Не в восторге ли сказал я самому себе: наконец ты поедешь? Не в радости ли просыпался всякое утро? Не с удовольствием ли засыпал, думая: ты поедешь? Сколько времени не мог ни о чем думать, ничем заниматься, кроме путешествия? Не считал ли дней и часов? Но -- когда пришел желаемый день, я стал грустить, вообразив в первый раз живо, что мне надлежало расстаться с любезнейшими для меня людьми в свете и со всем, что, так сказать, входило в состав нравственного бытия моего.

- Он записал мне титулы двух своих сочинений, которых я не читал: "Kritik der praktischen Vernunft" и "Metaphysik der Sitten" {"Критика практического разума" и "Метафизика нравов" (нем.). -- Ред.} -- и сию записку буду хранить как священный памятник. Вписав в свою карманную книжку мое имя, пожелал он, чтобы решились все мои сомнения; потом мы с ним расстались. Вот вам, друзья мои, краткое описание весьма любопытной для меня беседы, которая продолжалась около трех часов. -- Кант говорит скоро, весьма тихо и невразумительно; и потому надлежало мне слушать его с напряжением всех нерв слуха. Домик у него маленький, и внутри приборов немного. Все просто, кроме... его метафизики.

- Он записал мне титулы двух своих сочинений, которых я не читал: "Kritik der praktischen Vernunft" и "Metaphysik der Sitten" {"Критика практического разума" и "Метафизика нравов" (нем.). -- Ред.} -- и сию записку буду хранить как священный памятник. Вписав в свою карманную книжку мое имя, пожелал он, чтобы решились все мои сомнения; потом мы с ним расстались. Вот вам, друзья мои, краткое описание весьма любопытной для меня беседы, которая продолжалась около трех часов. -- Кант говорит скоро, весьма тихо и невразумительно; и потому надлежало мне слушать его с напряжением всех нерв слуха. Домик у него маленький, и внутри приборов немного. Все просто, кроме... его метафизики.

- Наемный слуга немедленно был отправлен мною к Виланду, спросить, дома ли он? -- "Нет, он во дворце". -- "Дома ли Гердер?" -- "Нет, он во дворце". -- "Дома ли Гете?" -- "Нет, он во дворце". "Во дворце! Во дворце!" -- повторил я, передразнивая слугу, взял трость и пошел в сад.

- В пять часов поутру вышел я из Лозанны с весельем в сердце -- и с Руссовою "Элоизою" в руках. Вы, конечно, угадаете цель сего путешествия. Так, друзья мои! Я хотел видеть собственными глазами те прекрасные места, в которых бессмертный Руссо поселил своих романических любовников. Дорога от Лозанны идет между виноградных садов, обведенных высокою каменною стеною, которая на обеих сторонах была границею моего зрения. Но где только стена перерывается, там видны с левой стороны разнообразные уступы и возвышения горы Юры, на которых представляются глазам или прекраснейшие виноградные сады, или маленькие домики, или башни с развалинами древних замков; а на правой -- зеленые луга, обсаженные плодовитыми деревьями, и гладкое Женевское озеро с грозными скалами Савойского берега. -- В девять часов был я уже в Веве (до которого от Лозанны четыре французских мили) и, остановясь под тенью каштановых деревьев гульбища, смотрел на каменные утесы Мельери, с которых отчаянный Сен-Прё хотел низвергнуться в озеро

- В пять часов поутру вышел я из Лозанны с весельем в сердце -- и с Руссовою "Элоизою" в руках. Вы, конечно, угадаете цель сего путешествия. Так, друзья мои! Я хотел видеть собственными глазами те прекрасные места, в которых бессмертный Руссо поселил своих романических любовников. Дорога от Лозанны идет между виноградных садов, обведенных высокою каменною стеною, которая на обеих сторонах была границею моего зрения. Но где только стена перерывается, там видны с левой стороны разнообразные уступы и возвышения горы Юры, на которых представляются глазам или прекраснейшие виноградные сады, или маленькие домики, или башни с развалинами древних замков; а на правой -- зеленые луга, обсаженные плодовитыми деревьями, и гладкое Женевское озеро с грозными скалами Савойского берега. -- В девять часов был я уже в Веве (до которого от Лозанны четыре французских мили) и, остановясь под тенью каштановых деревьев гульбища, смотрел на каменные утесы Мельери, с которых отчаянный Сен-Прё хотел низвергнуться в озеро

- Париж ныне не то, что он был. Грозная туча носится над его башнями и помрачает блеск сего некогда пышного города. Златая роскошь, которая прежде царствовала в нем, как в своей любезной столице, -- златая роскошь, опустив черное покрывало на горестное лицо свое, поднялась на воздух и скрылась за облаками; остался один бледный луч ее сияния, который едва сверкает на горизонте, подобно умирающей заре вечера. Ужасы революции выгнали из Парижа самых богатейших жителей; знатнейшее дворянство удалилось в чужие земли, а те, которые здесь остались, живут по большей части в тесном круге своих друзей а родственников.

- Новые республиканцы с порочными сердцами! Разверните Плутарха, и вы услышите от древнего величайшего, добродетельного республиканца Катона, что безначалие хуже всякой власти! -
- В заключение сообщу вам несколько стихов из Рабеле, в которых знакомец мой аббат Н* находит предсказание нынешней революции:
- Французский старинный язык, может быть, для вас темен. Я переведу:
- "Объявляю всем, кто хочет знать, что не далее как в следующую зиму увидим во Франции злодеев, которые явно будут развращать людей всякого состояния и поссорят друзей с друзьями, родных с родными. Дерзкий сын не побоится восстать против отца своего, и раб против господина так, что в самой чудесной истории не найдем примеров подобного раздора, волнения в мятежа. Тогда нечестивые, вероломные сравняются властью с добрыми; тогда глупая чернь будет давать законы и бессмысленные сядут на место судей. О страшный, гибельный потоп! Потоп, говорю: ибо земля освободится от сего бедствия не иначе, как упившись кровию".

Фонвизин и Карамзин

- Француз рассудка не имеет...
- Вы помните, что Йорик сказал министру Б* о характере французов: "Они слишком важны!" Министр удивился, но разговор вдруг перервался, и забавный Йорик не изъяснил нам своей мысли. Кажется, об афинском народе было сказано, что он важными делами шутил, как безделками, а безделки считал важными делами; то же самое можно сказать о французах, которые не обижаются сходством с афинским народом.

Художественные особенности путешествия

- Fiction+non-fiction
- Установка на непосредственную фиксацию впечатлений
- Мир культуры / мир политики
- Путеводитель для российского читателя по Европе (культура, философия, литература)

- Перечитываю теперь некоторые из своих писем: вот зеркало души моей в течение осьмнадцати месяцев! Оно через 20 лет (если столько проживу на свете) будет для меня еще приятно -- пусть для меня одного! Загляну и увижу, каков я был, как думал и мечтал; а что человеку (между нами будь сказано) занимательнее самого себя?.. Почему знать? Может быть, и другие найдут нечто приятное в моих эскизах; может быть, и другие... Но это их, а не мое дело. А вы, любезные, скорее, скорее приготовьте мне опрятную хижинку, в которой я мог бы на свободе веселиться китайскими тенями моего воображения, грустить с моим сердцем и утешаться с друзьями!

Некоторые повести

- Бедная Лиза
- Чувствительный и холодный
- Марфа-посадница
- Наталья – боярская дочь
- Рыцарь нашего времени

Формулы сентиментализма

- Франция (Руссо), Германия (Гете), Англия (Стерн);
- Чувствительный герой (эмоция как элемент повествования);
- Культ естественного (натура vs цивилизация), детского, непосредственного;
- Мелодраматический потенциал.

Карамзин был признан

- *одним из деликатнейших и образованнейших писателей русских, соединивших звучность французскую с точностью английскою в языке российском*

Карамзин в XIX веке

- Первый русский историограф (его превосходительство)
- Профессиональный литератор

ПУТЕШЕСТВІЕ

ИЗЪ

ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ.

„Чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно,
и лаяй,,

Тилемахида, Томъ II. Кн: XVIII. стн: 514.

Основные произведения

- Дневник одной недели
- Житие Федора Ушакова
- Путешествие из Петербурга в Москву

Куда едет путешественник Радищева?

- Россия – главная дорога (русский дворянин: помещики, крестьяне, рабы);
- Россия – чужое «пространство». Существует система лжи, которую невозможно преодолеть.
- Житие Федора Ушакова, Дневник одной недели, Путешествие. Отказ от литературной деятельности.

Маршрут

- ВЫЕЗД
- СОФИЯ
- ТОСНА
- ЛЮБАНИ
- ЧУДОВО
- СПАССКАЯ ПОЛЕСТЬ
- ПОДБЕРЕЗЬЕ
- НОВГОРОД
- БРОННИЦЫ
- ЗАЙЦОВО
- КРЕСТЬЦЫ
- ЯЖЕЛБИЦЫ

Маршрут

- ВАЛДАИ
- »
- ЕДРОВО
- »
- ХОТИЛОВ
- »
- ВЫШНИЙ ВОЛОЧОК
- »
- ВЫДРОПУСК
- »
- ТОРЖОК
- »
- МЕДНОЕ
- »
- ТВЕРЬ
- »
- ГОРОДНЯ
- »
- ЗАВИДОВО
- »
- КЛИН
- »
- ПЕШКИ
- »
- ЧЕРНАЯ ГРЯЗЬ
- »

Екатерина о Радищеве

- Бунтовщик — хуже Пугачёва! Тот, хоть царём прикинулся, монархический строй исповедовал, а этот, революцией, надумал на Руси учинить республику!

Радищев объявлялся

- *виновным в преступлении присяги и должности подданного изданием книги... наполненной самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властям уважение, стремящимися к тому, чтобы произвести в народе негодование противу начальников и начальства и наконец оскорбительными и неистовыми выражениями противу сана и власти царской*

Радищев приговаривался

- *К смертной казни, замененной – по милости и ликованию – ссылкой в Илимский острог*

Ты хочешь знать: кто я? Что я? Куда я еду?
Я тот же, что и был и буду весь мой век.
Не скот, не дерево, не раб, но человек!
Дорогу проложить, где не бывало следу,
Для борзых смельчаков и в прозе
и в стихах,
Чувствительным сердцам и истине
я в страх
В острог Илимский еду.

Радищев в XIX веке

- Чиновник (самоубийство);
- Автор заподозренной книги;
- Запрет с «Путешествия» снят только в 1905-м году.
- В 1920-м году – в школьной программе.

Гуманистический пафос

- ...ибо и крестьянки любить умеют;
- крестьянин в законе мертв.

Пушкин о Радищеве

- «Путешествие в Москву», причина его несчастья и славы, есть, как уже мы сказали, очень посредственное произведение, не говоря даже о варварском слоге. Сетования на несчастное состояние народа, на насилие вельмож и проч. преувеличены и пошлы. Порывы чувствительности, жеманной и надутой, иногда чрезвычайно смешны. Мы бы могли подтвердить суждение наше множеством выписок. Но читателю стоит открыть его книгу наудачу, чтоб удостовериться в истине нами сказанного.

Итоги лекции

- XVIII век – эпоха «преобразования». Изменяются стиль, быт, повседневность. Тектонические сдвиги в литературе;
- РИ воспроизводит стилевые модели с некоторым опозданием (эффект контаминации);
- Переводы, переложения «накапливают» жанровые новации, которые проявляются в вершинных произведениях литературы.
- Литература становится социальным институтом, лифтом, определяющим карьеру и успех писателя (негласная Табель о рангах).